

INTERNATIONAL SCIENTIFIC RESEARCHING CENTER

Версия для Интернет

Протокол Заседания I-й экспедиционно-поисковой группы №11

25.01.2012
г.Ровно

Список присутствующих, зарегистрировавшихся на заседании:

1. Калытюк Игорь
2. Кравчук Марина

1. Обращаем ли мы внимание на мир что нас окружает?

Холодным январским утром на станции метро Вашингтона расположился мужчина и стал играть на скрипке. На протяжении 45 минут он сыграл 6 произведений. За это время, так как был час пик, мимо него прошло более тысячи человек, большинство из которых были по дороге на работу.

За 45 минут игры только 6 человек ненадолго остановились и послушали, еще 20, не останавливаясь, бросили деньги. Заработок музыканта составил \$32.

Никто из прохожих не знал, что скрипачом был Джошуа Белл — один из лучших музыкантов в мире. Играл он одни из самых сложных произведений, из когда-либо написанных, а инструментом служила скрипка Страдивари, стоимостью \$3,5 миллиона.

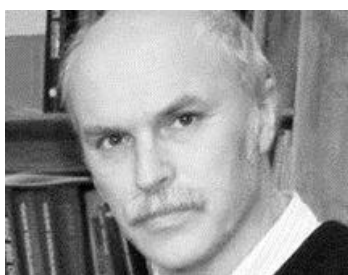
За два дня перед выступлением в метро, на его концерте в Бостоне, где средняя стоимость билета составляла \$100, был аншлаг.

Игра Джошуа Белла в метро является частью социального эксперимента газеты Вашингтон Пост о восприятии, вкусе и приоритетах людей. Главными вопросами эксперимента были: в будничной среде в неподходящий момент ощущаем ли мы красоту? Остановимся ли чтобы оценить ее? Распознаем ли талант в неожиданной обстановке?

Один из выводов из этого эксперимента может быть следующим:

Если мы не можем найти время на то что бы ненадолго остановиться и послушать лучшие из когда-либо написанных музыкальных произведений в исполнении одного из лучших музыкантов планеты; если темп современной жизни настолько всепоглощающ, что мы становимся слепы и глухи к таким вещам — тогда что же еще мы упускаем?

2. Человечество подошло к критической точке

26.01.2012 «Россия 2045 – стратегическое общественное движение»

www.2045.ru

«Люди, являясь естественным фрагментом общего эволюционного процесса, не являются его конечным звеном. Эволюция может и должна идти дальше, и каким образом это произойдет, зависит от нас», – уверен астрофизик, автор «кривой Снукса – Панова», описывающей сингулярность, Александр Панов.

Автор «кривой Снукса – Панова» рассказал, о чем будут дискутировать ученые на Международном конгрессе «Глобальное будущее 2045».

– Александр Дмитриевич, вы математически доказали наступление сингулярности. Когда ее ожидать, и на чем основаны ваши выводы?

– Суть «кривой Снукса – Панова» заключается в том, что эволюция человеческого общества, как и жизни на Земле в целом, происходила не гладко, а некоторыми качественными скачками, каждый из которых имел характер преодоления очередного кризиса. Оказалось, что последовательность этих скачков подчиняется математической закономерности: промежуток между событиями представляется простой геометрической прогрессией с показателем, близким числу $e - 2,7$. И эта последовательность не может продолжаться бесконечно далеко в будущее. Она стремится к определенному пределу, который лежит в первой половине XXI века. Таким образом, мы уже сегодня живем в эпоху сингулярности, мы в нее уже вошли.

Но надо понимать, что это утверждение не является строго научным, потому что нет возможности доказать, что события для интерпретации были выбраны абсолютно верно. Если кто-то мне возразит, что одно из событий несущественно и надо рассмотреть другое, то спорить с ним будет довольно трудно.

– А какие события выступили в качестве опорных точек?

– Таких событий девятнадцать. Они начинаются в эпоху чисто биологической эволюции и включают в себя важные этапы развития цивилизации. Первая точка – возникновение жизни на Земле, около 4 млрд лет назад. Далее – так называемая неопротерозойская революция, или кислородный кризис, приблизительно 1,5 млрд лет назад. Затем – кембрийский взрыв, начало мезозойской эры, начало кайнозойской эры и так далее. Все эти планетарные революции обладают определенной однородностью.

– А назовите, пожалуйста, самую последнюю из новейшей истории.

– Последняя точка, которую я интерпретировал, – это так называемый информационный переход, или информационная революция, приблизительно 1950-й год. В это время произошли два существенных изменения. Первое – появление компьютеров и компьютерной обработки информации. А второе – переход цивилизации в наиболее продвинутых странах из эпохи индустриализма в эпоху постиндустриализма, когда большая часть населения занята обработкой информации, а не в производстве.

Кроме того, оказывается, что события 1990–1991 годов тоже хорошо «ложатся» на эту последовательность. В нее также хорошо вписывается кризис 2008 года, хотя сейчас я не готов настаивать на том, что эта интерпретация правильна. Ну а если вернуться немного назад, то предыдущие события – это промышленная революция в начале XIX века. Еще ранее – первая промышленная революция, географические открытия, начало Нового времени и т.п.

– Можем ли мы говорить о том, что двадцатое событие из этой кривой будет приближением к сингулярности либо уже самой сингулярностью?

– Нет, в действительности никакой точки сингулярности нет. Есть некий размытый период, который характеризуется изменением режима эволюции. С помощью математических моделей, которые описывают нечто похожее, видно, что происходит лишь конечное количество таких событий. В конце концов они размываются, после чего система радикально меняет режим эволюции. Как именно изменится режим эволюции, на основе одной этой последовательности предсказать невозможно.

– И все-таки, что нас ждет в будущем?

– Одно могу сказать: легко нам после наступления сингулярности не будет. Почему? Потому что эпоха сингулярности характеризуется концентрацией эволюционных кризисов. И каждый эволюционный кризис должен быть компенсирован соответствующей сохраняющей реакцией цивилизации. А каждая сохраняющая реакция цивилизации – это очень непростая и неприятная вещь.

– Поясните, пожалуйста, на примере.

– Компенсации могут быть разного типа. Например, один из кризисов, который нам, по всей видимости, предстоит, – это исчерпание невозобновимых минеральных ресурсов. Значит, можно ожидать перехода на замкнутые циклы, что в свою очередь приведет к гораздо более сложному производству.

Или, например, истощение невозобновимых энергетических ресурсов типа нефти или газа. Компенсацией этого кризиса станет переход на возобновимые источники энергии либо переход к термоядерной энергетике, что является невероятно сложной задачей. Компенсации могут иметь характер глобальных технологических или информационных процессов, которые придется поддерживать, а это сложно. Либо компенсации приведут к ограничению свобод, что неприятно. И для того чтобы цивилизация смогла устойчиво существовать в постсингулярной фазе, такого рода компенсаций должно быть очень много.

– Как вы думаете, в свете NBIC-конвергенции какими должны быть технологии, чтобы радикальным образом изменить нашу жизнь?

– К сожалению, сложно сказать точно, на что в будущем человечество сможет опереться. Очень большие надежды в широких кругах связаны с тем или иным развитием искусственного интеллекта. Но у меня есть много причин сомневаться в том, что искусственный интеллект достигнет той формы развития, которая от него ожидается. Я надеюсь, что на конгрессе Global Future 2045 нам удастся поговорить с оппонентами на эту тему.

Я астрофизик по специальности, и в силу этого симпатизирую людям, которые занимаются поиском внеземного разума. Давно уже сотрудничаю с научно-культурным центром SETI, который локализуется в Государственном астрономическом институте им. П.К. Штернберга. И думаю, что развитие человеческой цивилизации могло бы радикально измениться и стать более устойчивым, если бы удалось решить задачу поиска внеземного разума. Вы знаете, я могу много об этом говорить, это огромная тема. Но нет уверенности, что эта задача может быть решена.

– Говоря о контактах с внеземным разумом, вы, очевидно, подразумеваете, что мы сможем заимствовать какие-то технологии?

– Ни в коем случае! Совсем не это. Предположим, я дам вам в руки книжку, посвященную теории суперструн. Легко вам будет оттуда позаимствовать знания?

– Если вы мне при этом объясните, что там написано...

– Нет, вам самим придется разбираться! А это огромная работа. И если мы получим доступ к галактической информации, то главное – это не само использование этих знаний, а их изучение. Появится совершенно новый интерес в жизни.

Представьте себе, что вам станут доступны для чтения несколько сотен тысяч романов, например, таких, как «Война и мир». Насколько этим можно занять умы людей! Конечно, полезно будет и использование чисто научных знаний. Но самое интересное – это гуманитарные знания: история, литература и т.п. У нас самих нет однозначного понимания собственной истории. А представьте, что вы получаете межзвездное послание, в котором предложено несколько альтернативных описаний истории одной из цивилизаций. Это будет невероятно полезно и интересно для нас самих.

– Как вы думаете, регулярные мероприятия типа международного конгресса [Global Future 2045](#) способны повлиять на вероятность того или иного позитивного сценария будущего во время и после наступления сингулярности?

– Определенно, человечеству нужно иметь понимание, какие варианты развития возможны. Конечно, настаивать на том, что будет реализован только тот или иной сценарий, – это неконструктивно. Но мы должны эти сценарии озвучить, и осознать, какие именно для нас желательны. Тем самым можно будет понять основные пути их достижения.

– Как вы думаете, какой дополнительный практический смысл можно ожидать от дискуссий, которые планируются на [конгрессе](#)? Например, формирования какой-то консолидированной позиции или проектных мастерских, которые могли бы работать целенаправленным образом на реализацию того или иного сценария?

– Я думаю, что конгресс запустит некий процесс самоорганизации в этой области знаний, который в своей активной фазе продолжится, я надеюсь, как минимум несколько десятилетий. Постепенно понимание неизбежности цивилизационных изменений станет актуальным и, может быть, каким-то образом востребованным. Я думаю, что это произойдет как раз в течение ближайших 50–70 лет.

– Как вы считаете, сама проблематика конгресса может быть интересна широкой публике, а не только специалистам?

– Надо популяризовать эти знания, хотя это и нелегко. На своем собственном примере я, к сожалению, убедился, что если подобные знания и доходят до общественности, то в очень сильно искаженной форме, и поэтому в значительной степени теряют свою ценность. Так что необходимо предпринимать специальные усилия для популяризации нашей дискуссии и этого процесса самоорганизации, на что я очень надеюсь.

– Как вы думаете, какие тезисы являются ключевыми, какие тезисы необходимо принять и понять в контексте возможных вариантов развития цивилизации?

– Я думаю, что наиболее важно, чтобы участники конгресса ознакомились с универсально-эволюционной точкой зрения, которую я отстаиваю наряду с Акопом Назаретяном. Суть ее заключается в том, что люди, являясь естественным фрагментом общего эволюционного процесса, не являются его конечным звеном. Эволюция может и должна идти дальше, и каким образом это произойдет, зависит от нас. Надо ощутить как встроенность в глобальные процессы, так и смысл собственного существования в контексте этих процессов. Это очень важно.

– Александр Дмитриевич, вы пишете в своих тезисах о том, что в постсингулярной эпохе возможно и даже вероятно снижение роли фундаментальной науки вплоть до нивелирования...

– Полного нивелирования, конечно, не произойдет. Но дело в том, что наука – это типичное эволюционное явление. Более того, сразу после своего возникновения наука была очень прогрессивным эволюционным фактором. Но ни одно прогрессивное эволюционное явление не является вечно прогрессивным. Когда-то, например, эволюция земноводных сменилась эволюцией пресмыкающихся, и пресмыкающиеся стали, в каком-то смысле, венцом эволюции, но потом и они уступили свое лидерство. То же самое можно наблюдать и в эволюции средств производства: то, что было прогрессивным, со временем перестает им быть. Вот в этом смысле наука в целом и фундаментальная наука в частности не могут быть вечно прогрессивными явлениями в эволюции.

Основная проблема заключается в том, что на продвижение вглубь материи и вглубь Вселенной фундаментальной науке требуется все больше и больше ресурсов. Но длительное время человеческой цивилизации в своем развитии придется ограничиться только планетарными ресурсами, нет экспансивного расширения в космос, когда ресурсы можно было бы неограниченно наращивать. А поскольку эксперименты становятся все более и более дорогими, ограниченных земных ресурсов через некоторое время станет недостаточно.

К сожалению, не удастся продвигаться все дальше и дальше только за счет совершенствования научных методик. Приходится чисто экстенсивно...

– ...строить огромный коллаيدر...

– ...наращивать размеры и стоимость установок. Но и их очень скоро станет не хватать. Более того, каждая решенная научная задача порождает несколько новых: количество задач растет экспоненциально, но количество ученых экспоненциально расти не может, к сожалению. Это заметил еще Станислав Лем в начале 1960-х. И он тогда уже предсказал наступление кризиса науки где-то в начале XXI века.

Более того, эти факторы, по-видимому, уже дают о себе знать. В частности, впервые за всю историю развития науки, в течение последних нескольких лет, начиная с 2007 года, количество научных публикаций в мире не растет, а падает. Причем падает количество публикаций не только в традиционных научных изданиях, но и в Интернете. Естественно, возникает соблазн связать это с экономическим кризисом 2007–2008 годов...

– Но это не так?

– Дело в том, что это далеко не первый экономический кризис. Пожалуйста – был энергетический кризис 1970-х годов, были, в конце концов, мировые войны, была депрессия 1930-х годов, но количество научных публикаций всегда только росло. И первый раз за всю историю науки начало падать. Вот это очень тревожит.

У меня есть некие математические модели, которые могут описывать процесс деградации, прежде всего, фундаментальных научных исследований. Они предсказывают ситуацию, когда количество финансовых вложений в науку некоторое время растет, а

количество результатов уже начинает падать. Сейчас происходит нечто подобное. Может быть, я ошибаюсь, хотелось бы ошибиться, но, скорее всего, это так.

– В контексте ваших наблюдений, что требуется от общественности и от мыслящих людей – ученых, представителей культуры и искусства, в конце концов, даже журналистов? Нужна ли какая-то концентрация, централизация усилий в этом направлении, или этот процесс органический и носит естественный характер?

– Существует парадоксальная ситуация. Чем меньше мы финансируем фундаментальную науку, тем дольше она будет существовать. Но чем больше мы финансируем фундаментальную науку, тем больше мы успеваем получить результатов до того момента, когда ее развитие сильно затормозится. Чем больше мы потратим денег на науку, тем при большем количестве значимых результатов фундаментальная наука может упереться в какую-то стену. И чем больше мы будем иметь фундаментальных результатов, тем больше у нас будет возможностей преодолевать эти самые кризисы сингулярности.

Поэтому, с моей точки зрения, фундаментальную науку нужно финансировать как можно больше, несмотря на то, что это грозит более ранним ее концом.

Рассмотрим конкретный пример – развитие физики элементарных частиц. В 1993 году было заморожено строительство сверхпроводящего суперколлайдера в Соединенных Штатах. Если бы устройство было введено тогда в эксплуатацию, оно стало бы гораздо мощнее Большого адронного коллайдера (БАК). Но денег не хватило, интерес к такого рода исследованиям тогда оказался недостаточно велик. Но если бы проект не заморозили, знания, которые мы сейчас пытаемся получить с помощью БАК, и даже в большем количестве, мы получили бы еще в 1990-х. Но еще более мощный коллайдер построить почти невозможно: это будет устройство размером в сотни километров, вряд ли человечество на это пойдет. Поэтому мы получили эти знания раньше, но фундаментальная физика элементарных частиц, связанная с классическими кольцевыми ускорителями, могла бы на этом закончиться.

Примерно такой процесс может происходить и со всей фундаментальной наукой в целом.

– Мы с Акопом Погосовичем (Назаретяном – прим. ред.) много обсуждали возможные технологические способы преодоления этого фазового перехода: симпатический интеллект, искусственные тела, техническое обеспечение возможности бессмертия или очень продолжительного существования интеллекта или личности в какой-то новой форме. Очевидно, что все эти вещи требуют продолжения развития фундаментальной науки. Как вы думаете, успеем ли мы все это реализовать до того, как кривая изобретений и новых открытий упрется в эту стену из-за недостатка финансов или ресурсов?

– Что касается искусственного интеллекта (ИИ) – это направление не требует развития фундаментальной науки. Все, что нужно для развития ИИ, в меру современного понимания, содержится в квантовой электродинамике. Та, очень дорогая фундаментальная наука, о которой я говорил, – это более глубокая наука, имеющая отношение к квантовой гравитации, квантовой теории поля...

Что касается искусственных тел, я пессимистично настроен в отношении возникновения такого рода симбиотов. Не думаю, что люди массовым образом начнут сращивать свой интеллект с компьютером, потому что это потребует чересчур большой концентрации внимания, люди этого не любят. Хотя в качестве компенсации для инвалидов, таких, например, как тот же Стивен Хокинг, это может быть востребовано. Но я не думаю, что это примет массовый характер, потому что это трудно.

Ну и, кроме того, я несколько скептически отношусь к идее бессмертия, потому что эволюция все-таки основана на смене поколений. Старые мозги должны заменяться новыми. Более того, эволюция выработала специальные способы ускорения смены поколений, в человеческий организм встроены механизмы старения, чтобы он вовремя умер. Не у всех животных это есть. Но для эволюции это необходимо. И я опасюсь, что если люди будут жить чересчур долго, то это сильно затормозит эволюцию и, возможно, приведет к деградации.

– Ну, это уже будут не совсем люди, согласитесь.

– Это будут уже не совсем люди, да.

– Возможно, если это не совсем люди, то для них и не совсем работают законы эволюции?

– А что мы можем сказать о не совсем людях? (Смеется.)

– Действительно... И главный вопрос – что будет предметом этой эволюции, вокруг чего будет осуществляться отбор?

– Я пытаюсь поставить себя на место такого встроенного разума. Я как человек, склонный к творческому мышлению, знаю, что позывы к творчеству находятся в обычной физической жизни. У меня есть семья, коллеги, мне интересно с ними поговорить, мне интересно заниматься спортом, на закат посмотреть и т.д. Но если мой разум будет встроен в какую-то кибернетическую систему, я, по-видимому, буду всего этого лишен, и что будет со стимулами для работы моего разума в таком контексте – мне непонятно.

– Если предположить, что вы живете в некоем ином теле, которое абсолютно, вплоть до мельчайших деталей, один в один, похоже на ваше собственное, но оно позволяет вам жить минимум до 200–300 лет, разве это не прекрасно?

– Вы спросите меня, хочу ли я жить вечно?

– А вы ответите «нет»?

– Нет, ни в коем случае! Я должен уступить место своим детям, внукам.

– А иметь возможность выбирать длительность жизни вы бы хотели?

– Ну, только до тех пор, пока мой разум активен.

– А если он активен все время?

– Я думаю, что это невозможно.

– Сейчас мы с вами переходим к таким спорным вопросам, которые лучше оставить для обсуждения на конгрессе. Мы ждем от этого мероприятия множества дискуссий. Как вы думаете, что будет камнем преткновения или ключевыми темами, вокруг которых развернется наиболее яркая и острая дискуссия?

– Я думаю, что именно эти две темы – искусственные тела и искусственный интеллект. Я в этом почти уверен.

Однако не думаю, что путь решения проблемы искусственного интеллекта ясен. Тут существует принципиальная проблема. Гораздо более принципиальная, чем энергетика, ограниченность ресурсов и так далее.

– Тогда последний вопрос, из личного любопытства. Когда вы участвуете в проектах, связанных с поиском внеземного разума, вы размышляете о том, будет ли он искусственным или естественным?

– Конечно!

– Как вам кажется, какова вероятность того, что он не будет естественным, биологическим?

– 50:50. В отношении искусственного интеллекта существует еще одна серьезная проблема – теорема Роджера Пенроуза. В конце 1990-х годов им было не то чтобы строго доказано, но очень хорошо обосновано, что, используя известные физические принципы, нельзя создать конечный автомат, который будет обладать некоторыми интеллектуальными способностями человека. Следовательно, для того чтобы создать искусственный интеллект, превосходящий человеческий, нужны неизвестные физические принципы. Откроем мы их или не откроем и где их искать – неизвестно. Поэтому так трудно строить какие-либо прогнозы в этом направлении.

Мария ТУЧИНА,
Владислав ОБУШИНСКИЙ,
Тимур ЩУКИН

УФОЛОГИЯ – КВАЗИНАУКА, У КОТОРОЙ НЕТ БУДУЩЕГО. БУДУЩЕЕ ЗА ФЕНОМЕНОЛОГИЕЙ!

...Камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится. Итак Он для вас, верующих, драгоценность, а для неверующих камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла...

Первое послание Петра

Постановка проблемного вопроса. Вот уже год как я занимаюсь работой историка-архивиста мною накоплено свыше миллиона свидетельств очевидцев, у меня в электронном виде имеются архивы свыше 400 разных уфологических организаций, ассоциаций, клубов, исследовательских центров, разных комиссий и когда-то секретных правительственных проектов по 45-ти странам мира, а это тысячи публикаций, отчетов, каталогов и т.п., начиная от ученых разных профилей и военных специалистов, и заканчивая любителями или дилетантами. Вот уже прошло множество лет от того момента как появилась уфология, но с тех времен ничего не изменилось в качественную сторону. Уфологии так не удалось создать фундамент действительно науки, а подавляющее число людей, называющих себя уфологами, даже не знают, что такое «научный подход». Основная масса «уфологов» страдают разными теориями заговора, жутко распиаренными случаями – которые в основном воспринимаются ими как истина последней инстанции. И правильно указал Петров В. [1] что есть серьезные исследователи, но их процентная масса не значительная, и не имеет влияние на основную процентную массу «уфологов», правильно указал также и Кувакин В. [2] что в основной процентной массы – это скорее культивация паранормальных верований в лженаучном русле. Тут проблема скорее в самом подходе «специалистов» - их «методы» скорее напоминают журнализм или популизм. Анализ конкретных ситуаций и случаев из истории не может служить основанием для обобщения; скорее, он обеспечивает конкретные примеры. Такие примеры, если они воспринимаются автором или читателями как доказательства, могут стать источником заблуждений [3]. А также то, что у основной массы уфологических «исследований», напрочь отсутствует «аналитическая зона», о чем и я упомянул в своей недавней работе [4]. Пол года назад, все мои попытки [5], разделить уфологию на научную и не научную, не получили поддержки и упирались в стену, разных давних «уфологических авторитетов», меплексы которых глубоко укоренили в общественную уфологию разные примеси оккультизма, верований теорий заговора и даже чупофрени - создали субкультуру «уфологов». Теперь уфологом себя называет каждый, – который, просто интересуется разными аномальными явлениями, а как аналогия называют ли себя врачами по такому же принципу интересующиеся медициной? - скорее нет, кроме отдельных «слюсарчуков» которые сейчас сидят за решёткой. То есть напрашивается вывод, а нужно ли строить дом – который повис в воздухе? где же его фундамент? Даже, само название, «уфология», скорее ассоциируется с «яблукологией» и астрологией - алхимией, такие же мутные или отсутствующие методы исследования. Естественно в обществе возникла адекватная реакция на всяких там «уфолога Антона» или «уфолога Васи», которые в эфире несут полную ахинею. Теперь – НЛЮ это не термин, а диагноз, не знаю как у Вас, но у нас оно давно уже не означает неотожествленный летательный объект, скорее человека – с заторможенной реакцией на окружающие события «человек-нло», и не только масс-медиа в этом виновны, но и сами «уфологи».

Да действительно феномен реально существует – и это я отлично понимаю [6, 7].

Да действительно, есть некоторые организации, такие как GEIPAN [8], SSETV, УНИЦА «Зонд» [9], и т.п. по настоящему, признанные научным сообществом как действительно научно-исследовательские, а такие как AFU [10], The Anomaly Foundation [11], SCEAU [12], и т.п. – как действительно историки и архивисты. Но их влияние на основную массу «уфологов» не значительное, тем более называют ли они себя уфологами? – задайте себе этот вопрос.

Решение проблемного вопроса. Вот что я предлагаю, - вместо того, чтобы ждать, когда само все готовое свалится нам на голову, и феномены станут по активней, и правительственные органы выложат нам всю информацию, которая частично и так уже знакома, для процентной массы разного рода исследователей, что проявили в поиске информации себя по активней, а нам же стоит напрямч собственные извилины, и наконец то закончив бестолковую болтовню, о том «чего нет, и чего хотелось бы», и заняться делом, в данном случае «больше дел – меньше слов», давайте будем работать с очевидцами научно и оперативно! Давайте построим новый фундамент на стыке двух наук – метеорологии и психологии, а стык наук – это научные открытия, и взяв все наилучшее научное от (протонауки-квазинауки) уфологии, и достроив недостающие фрагменты уже из имеющихся материалов научного прагматизма и непредвзятости. Назовем это «чудо» что-то вроде «Феноменологии неизвестных атмосферных явлений и их влияния на человеческую психику». Введем жесткий контроль, за передерживанием научно исследовательских стандартов, взяв за основу уже имеющие научные стандарты, и немного доработав их. То есть, то, что в свое время создало астрономию из астрологии, и химию из алхимии – и успех нам обеспечен. Ученые разных профилей – сами потянутся к нам, видя в нас уже серьезных и престижных научных исследователей, стоит нам будет только помечтать об ученом нужного нам профиля, и наше супер-подсознание само решит это, с первого взгляда сложный вопрос – но на самом деле простой, прямо как в «эффекте Плацебо» - «мечты – сбываются» (проверено как говорится «на собственной шкуре»). Все больше выкладываться в идеи и методы, объединяться и оттачивать каждый наш «драгоценный камень». И тогда каждая наша работа – это еще один камень в фундамент, который сыграет важнейшую роль в науке будущего. Главное не лениться и иметь терпение! Будущее за нами...

Литература:

1. *Петров В.* Наука и квазинаука с методической точки зрения
2. *Кувакин В.* Образование и наука в РФ (к чему мы дожились)
3. Stouffer, 1942, p. 144
4. *Калитюк І.* Принципові відмінності наукової уфології від не наукової
5. *Калитюк І.* Необхідність реформ в уфології
6. *Бильк А.* Уфология – путь к науке
7. *Білик А.* Феноменологічний світ
8. www.cnes-geipan.fr
9. www.zond.keiv.ua
10. www.afu.info
11. www.anomalia.org
12. www.sceau-archives-ovni.org

Координатор 1-й ЭПГ – Калытюк И.